

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ КНИГИ ЛЕОНА БОГДАНОВА «ЗАМЕТКИ О ЧАЕПИТИИ И ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯХ»

В.С. Бочаров

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Статья посвящена Леону Богданову, заметной фигуре «неофициальной» прозы (1942–1987), чье творческое наследие практически не изучено и подлежало рассмотрению только в немногочисленной литературной критике, в то время как творческие достижения автора высоко оценены (премия Андрея Белого, 1985). Автор рассматривает поэтику и концептуальные уровни произведения «Заметки о чаепитии и землетрясениях», упрощая интерпретацию и последующее чтение сложного, многослойного текста.

Ключевые слова: Леон Богданов, «Заметки о чаепитии и землетрясениях».

Фигура Леона Богданова (1942–1987) в среде ленинградского неофициального искусства является легендарной. Несмотря на небольшой объем литературного творческого наследия, он был высоко оценен, о чем свидетельствует присуждение автору премии Андрея Белого (1985). Однако на сегодняшний момент с научной точки зрения творчество Леона Богданова практически не изучено. В 2013 году 70-му юбилею Леона Богданова была посвящена статья в электронном проекте «Colta» («Окончательная белая сияющая ясность» А. Соколовский), что свидетельствует о наличии интереса к фигуре автора и сегодня. Отдельные литературно-критические статьи были посвящены его единственной книге, опубликованной посмертно, «Заметки о чаепитии и землетрясениях», вышедшей в издательстве НЛЮ в 2002 году.

«Заметки о чаепитии и землетрясениях» занимают в литературном наследии Богданова центральное место. Впервые их части были опубликованы в самиздате в журнале «Часы» (№ 55 и № 58), после – под названием «Проблески мысли и еще чего-то» – напечатаны в третьем выпуске «Вестника новой литературы» 1991 года (первая часть и предваряющие ее «Красные карточки», более раннего периода). Наконец, в 2002 году в издательстве НЛЮ увидел свет полный корпус заметок в составлении Кирилла Козырева и Бориса Останина. На сегодняшний момент эта книга остается единственной крупной публикацией Богданова.

Проза Л. Богданова в одной из самых популярных форм русской литературы (дневники и заметки) совмещает в себе традиции В. Розанова с фрагментарностью повествования японской дневниковой прозы. Восточная традиция выражается у Л. Богданова в полноценном слиянии с потоком происходящих событий. Это соответствует этике и эстетике часто упоминаемых на страницах философских трудов по даосизму, буддизму и другим философским учениям. Автор своего рода «плывет» в описываемых обстоятельствах, при этом бесстрастно наблюдая за ними со стороны. «Знаете, сильная

творческая воля – не предмет моего рассуждения. Это как бывает ток сильный и слабый, и они исследуются порознь. Сказать, что я исследую слабые художественные проявления, нельзя, но что-то такое напрашивается» [1, с. 57]. Тем самым, автор не разрушает реальность, раскладывая ее на составляющие элементы, а как отмечает Владимир Шпаков «совпадает с ней» [4].

Выделить наиболее важные для автора темы из потока предметов и явлений в тексте кажется затруднительным, однако, Виктор Пивоваров в рецензии на «Заметки» предлагает следующий набор тем: «Погода», «Чай», «Последние известия», «Вулканы и землетрясения», «Книги», «Люди».

Текст книги представляет собой хронику, скрупулезно фиксировавшую, с одной стороны, личные моменты быта автора (чайные церемонии, устраивавшиеся Богдановым, покупку книг, своеобразные «рецензии» на уже прочитанное, визиты друзей), с другой – вторжения внешнего мира через средства массовой информации (сообщения о природных катаклизмах, землетрясениях). Эти сообщения, выступают своеобразным катастрофическим фоном частной жизни маленького советского человека, «непечатного писателя». Вспомнить это принадлежащее Евгению Харитонову универсальное определение социального статуса людей, подобных Богданову, уместно, тем более что перед нами едва ли не самый выразительный (после самого Харитонova) пример жизненного «сосредоточения в письме». «Мало идей, но это, может, и к лучшему. Куда их много-то? Все в процессе. Как эти записи – есть на две строчки, а пишешь и не оторваться» [1, с. 59].

Основным приемом у Богданова становится слияние разных по своей сути вещей в единый поток информации. Так, в трех друг за другом следующих предложениях Леон Богданов пишет о покупке бутылки «Стрелецкой», о том, что у него болели ноги, о комете и кораблях для ее исследования, об урагане в Шотландии и о пожарах в Южной Африке. Только на первый взгляд между

всеми этими событиями и фактами нет логической связи – для Богданова они равны между собой, равны перед лицом бытия, и именно в этом объединяющая их высшая логика. Визуально на протяжении практически всего текста Л. Богданов выделяет каких-либо моментов повествования шрифтом, выстраивая текст сплошным монолитом, что чтение не затрудняет.

Как отмечает Владимир Шпаков: «Жизнь для Леона Богданова – это фиксация: предметов, явлений, ощущений. А потому все, что только имеет в мире место, значимо для автора одной своей фактической наличностью, тем, что оно уже принадлежит к неисчислимому арсеналу бытия. Раз вещь существует – примерно так мыслит Леон Богданов, – значит, она должна быть воспринята, рецептирована сознанием. „В Гиндукуше также произошло восьмибалльное землетрясение. И ничего не надо слышать больше“. Но ничего не надо слышать больше не по причине исключительной значимости именно этого события, а, наоборот, в силу его рядоположенности по отношению ко всем другим. Каковым бы ни было любое из происшедших событий, мог бы продолжить Богданов, в пределах человеческого сознания оно всего лишь один из множества элементов единой, но в то же время безграничной парадигмы бытия» [4].

Природа фиксируемых вещей и явлений не имеет для Л. Богданова почти никакого значения. Главным становится сам процесс ни на минуту не прекращающейся «фиксации». Виктор Пивоваров считает, что «проживаемое – то, что можно было бы воспринять как «экзистенцию» – само по себе не имеет для автора никакого смысла. Оно может приобрести и приобретает какой-то смысл, только если становится материалом для литературы» [4], тем самым содержание для Л. Богданова отходит на второй план, уступая место чистой форме. Сам Л. Богданов обосновывает свой метод в книге следующим образом: «Максимум фиксации» – вот что дает единственную возможность охватить мыслимое многообразие жизни, всю безмерную полноту ее содержания» [1, с. 68].

Для Л. Богданова, чтобы «событие» имело значение, достаточно признать событие – событием. Несмотря на дневниковую форму повествования, Л. Богданов принципиально не расставляет в тексте дат, тем самым уничтожая категорию времени в тексте. Единственными ориентирами остаются упоминаемые автором события, по следам которых и остается возможность не только определить точную дату конкретной записи, но и восстановить целую эпоху, пусть и большая часть записей Богданова, сосредоточена на самом элементарном в обиходе. При этом точное наблюдение событий, афористичная форма высказываний, метафоричность текста, медитативные размышления придают тексту стройность и поэтичность. Временные и пространственные грани стираются в моменты, когда современные Богданову источни-

ки информации оказываются в одном ряду с древними текстами прочитанными автором, дефицитным чаем и свежими газетами – одновременно являясь не только информацией, но и речевой тканью повествования. Не в последнюю очередь на коллажное построение текста, повлияло увлечение Богданова живописью и конкретно одним из его направлений – поп-артом. Текст выстраивается в стихотворный столбец, предложения дробятся на абзацы, обрываясь на полуслове, при этом следующий абзац начинается с маленькой буквы и больше похож на коллажную врезку.

Особое место в повествовании занимают описания природных катаклизмов (извержения вулканов, землетрясения) сообщения о которых автор настойчиво дожидается или разыскивает в источниках информации о внешнем мире. Б. Останин вспоминает: «Его последние дневники – географическая сюита, испещренная арифметикой силы толчков и числа жертв. Эпицентры катастроф вплотную приблизились к нему, вошли в него – не только как предмет для размышлений о связи, допустим, землетрясений и государственных переворотов, но и по-другому, более интимно. Я угадываю в Элике живой компас катастроф, который не только отмечает их, но и не всегда ясным образом предугадывает, а то и вызывает, и соотносит с самыми неочевидными вещами и явлениями» [1, с. 24]. Трактовка, таким образом, максимально широкая. Богданов же пишет, кажется, безо всякой иронии: «Надо быть в курсе всех политических событий, чтобы не упустить важных нарождающихся новостей» [1, с. 78]. За счет многочисленных «катастроф», соседствующих с неторопливыми, нарочито спокойными и даже монотонными описаниями «чаепитий», Л. Богданов создает контрастность, разбавляющую равномерное течение повествования.

«Сегодня Масленица, давали копченую селедку. Еще Вера купила яблочного повидла в консервной банке, как килька. Блинов не пекли, слава Богу» [1, с. 257]. Согласно литературным нормативам это может быть неким промежуточным описанием между двумя драматическими эпизодами. Однако драматической прозой тексты Богданова не являются, поскольку сплошь состоят из подобных фрагментов: «Пришел, посмотрел газеты за эти дни. Умер Н.А. Козырев. В «Книжном обозрении» пишут, что издан Джойс. Тринадцатого марта в «Международной панораме» показывали центр по борьбе с последствиями землетрясений в городе Кавасаки. Говорят, что между десятым и пятнадцатым сектором в районе Фудзиямы будет очень сильное землетрясение» [1, с. 79]. Детали советского быта, многочисленные сорта чая (в том числе и дефицитные), новости из газет, радио и телевидения – составляющие, из которых строится текст. При этом назвать повествование документальным нельзя: позиция летописца, ведущего хронику жизни «под запретом», для грядущих по-

колений абсолютно чужда автору, он не допускает никаких оценок политической ситуации в стране.

Необходимо отметить важный момент, что сам автор на публикацию «заметок» не рассчитывал. «И что всю жизнь будешь не признан – оцени это». Сама идея о подобной участи перекликается с Павлом Улитиним и его «Путешествием без надежды».

Мир автора с одной стороны очень узнаваем, однако его описание выполнено необычным способом. Отсутствуют очевидные для традиционной прозы драматизм и сюжетность. Однако говорить об отсутствии художественной динамики нельзя. На страницах все время что-то происходит: покупается вино, заваривается чай, достаются редкие книги, слушаются очередные сводки новостей и т. п. события подчас не масштабные, из них во многом и состоит авторская жизнь. Масштаб (при полном, заметим, отсутствии претензий на «масштабность») создают сообщения СМИ. Автора политическая ситуация не касается, поэтому никаких геополитических обобщений найти в «заметках» нельзя. Однако постоянное вслушивание в сообщения о природных катаклизмах и строгая их фиксация создают странное ощущение, особенно в единстве со скрупулезным описанием бытовых моментов. Богданов словно пытается уловить

«пульс мира», не покидая своей квартиры. «Сидишь безвыходно дома и боишься, что пропустишь очень значительные перемены, сам будешь идентифицирован как какое-то место, полузнакомое или забытое, но поражающее, как громом, происходящими изменениями» [1, с. 165].

Т.Ф. Семьян пишет о прозе другого «подпольного классика» Павла Улитина, что это «новая форма хранения семантических и семиотических кодов, новый тип коммуникации, возможно, более адекватный фрагментарному, клиповому, лаконичному и визуальному сознанию нашего времени» [3]. Это замечание в полной мере соответствует и прозе Леона Богданова.

Литература

1. Богданов, Л. «Заметки о чаепитии и землетрясениях» / Л. Богданов. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 537 с.

2. Пивоваров, В.Д. «Заметки о «Заметках...» Леона Богданова» / В.Д. Пивоваров // НЛО. – 2003. – № 61.

3. Семьян, Т.Ф. Послесловие к тексту Павла Улитина «Другая система» [1971] / Т.Ф. Семьян. // «Русская проза» Б. – 2012. – С. 90–93.

4. Шпаков, В.М. «Одинокий голос человека» / В.М. Шпаков // Октябрь. – 2003. – № 6.

Бочаров Владислав Сергеевич, аспирант кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), anarcho-pie@mail.ru. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Т.Ф. Семьян.

Поступила в редакцию 15 декабря 2014 г.

ARTISTIC FEATURES OF THE BOOK «NOTES ON THE TEA PARTY, AND AN EARTHQUAKE» BY LEON BOGDANOV

V.S. Bocharov, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, anarcho-pie@mail.ru

The article is devoted to Leon Bogdanov, a prominent figure of “informal” prose (1942–1987), whose artistic heritage has hardly ever been studied in spite of the author’s creative achievements (Andrei Bely Prize, 1985). It has only been reviewed in several literary critical papers. The author of the present article studies poetic and conceptual levels of the book “Notes on the tea party, and an earthquake” simplifying the interpretation and further reading of this complex, multi-layered text.

Keywords: Leon Bogdanov, «Notes on the tea party, and an earthquake».

References

1. Bogdanov L. *Zametki o chaepitii i zemletryasenyakh* [Notes on the Tea Party, and an Earthquake]. Moscow, New Literary Review Publ., 2002, 537 p.

2. Pivovarov V.D. *Zametki o «Zametkakh...» Leona Bogdanova* [Notes about Notes of Leon Bogdanov]. UFO. 2003, № 61.

3. Semyan T.F. *Posleslovie k tekstu Pavla Ulitina «Drugaya sistema»* [Afterword to the Text of Paul Ulitin “Other System”, 1971]. *Russian Prose B*, 2012, p. 90–93.

4. Shpakov V.M. *Odinokiy golos cheloveka* [Lonely Voice of Man]. *October*. 2003. № 6.

Vladislav S. Bocharov, post-graduate, Department of Russian Language and Literature, South-Ural State University (Chelyabinsk), anarcho-pie@mail.ru Scientific Adviser –Semyan T.F., Doctor Degree (Philology), Professor, Department of Russian Language and Literature, South Ural State University (Chelyabinsk).

Received 15 December 2014

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Бочаров, В.С. Художественные особенности книги Леона Богданова «Заметки о чаепитии и землетрясениях» / В.С. Бочаров // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2015. – Т. 12, № 3. – С. 69–72.

FOR CITATION

Bocharov V.S. Artistic Features of the book «Notes on the Tea Party, and an Earthquake» by Leon Bogdanov. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2015, vol. 12, no. 3, pp. 69–72. (in Russ.)
